

ШУТКИ В СТОРОНУ! или Время улыбнуться всерьез

О великих книгах говорят: портрет эпохи.

Наша книга — тоже портрет современности. "Эпоха перестройки" изображена здесь улыбающейся, что бывает не слишком часто. И понятно почему...

Зато ее улыбка необыкновенна — рядом с ней даже Леонардо кажется простодушным. Это улыбка Джоконды, Чеширского Кота и Шуры Балаганова одновременно.

Улыбаться можно по-разному: доброжелательно или, наоборот, "показывая зубы". В этой книге есть все, начиная с "политического убийства" смехом и заканчивая ни на что не претендующим похохатыванием. И неудивительно: у нее, как и у перестройки, много авторов.

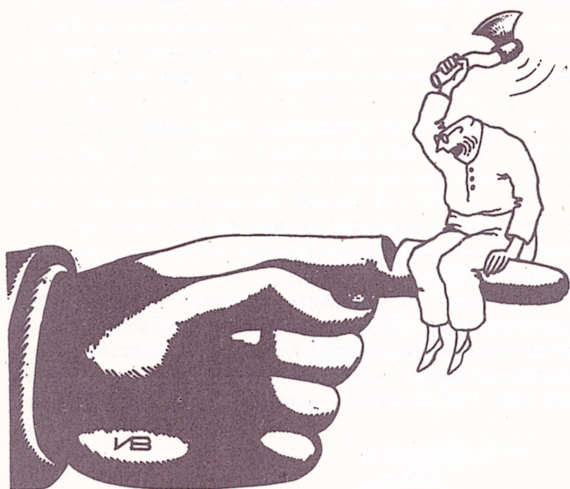
Абрамян Л., Айнутдинов С., Антонов В., Анчуков И., Барейкис В., Басыров Г., Богачев С., Богорад В., Борейко В., Буркин В., Варнас И., Василенко А., Веткин С., Воробьев И., Воронцов Н., Гедгаудас Р., Грюшис И., Делтува А., Дмитриев А., Дружинин В., Дубов В., Жилинскас А., Златковский М., Иванов В., Йонайтис А., Кадырбаев В., Кулинич П., Курдюмов М., Кутасевич Ю., Левицкий Л., Лиепиньш А., Любич В., Малов Н., Мядженис С., Миргасим Гали, Москин Д., Мохов В., Насыров Л., Неймантис Э., Ненашев В., Несенбергс Ю., Новиков И., Орехов А., Ошкуртис Р., Пакалнис А., Песков В., Пшеняников А., Розанцев В., Самойлов Р., Семенов С., Сергеенко Т., Скопинцев В., Скрылев В., Смирнов И., Теслер О., Тишков Л., Тюнин С., Уборевич-Боровский В., Хейно У., Хотин Б., Шейнис З., Эстис О.

Составители *В. И. Мохов, А. В. Рубцов*
Автор текста *А. В. Рубцов*
Макет и оформление *Н. В. Кондрашов*
Редактор *В. Л. Затолокина*

Шутки в сторону! или Время улыбнуться всерьез:

Ш 97: Сб. Карикатур/Сост. В. И. Мохов, А. В. Рубцов; Автор текста А. В. Рубцов. — М.: Прогресс,
1990. — 112 с.: ил.

ПРЕДИСЛОВИЕ

“Что наша жизнь? — Игра!” — спросили и сами себе ответили братья Чайковские. Их гений, помноженный на мистические способности Пиковой Дамы, дал, как и во всяком подлинном искусстве, эффект провидения грядущего. В данном случае — нашего светлого будущего.

У нас люди заняты играми. Настоящими, серьезными играми взрослых. Дети обычно играют не в шахтеров и хлебобобов, а во что-нибудь необычное, например в войну. Взрослые, наоборот, не могут без хлеба и угля, но ухитряются превратить в военизированную героическую игру даже такие обыденные вещи, как добывание пищи и производство товаров широкого потребления: “Битва за урожай”, “Штурм новых высот”, “Наступление по всему фронту”, “Прорыв в...” Раздой первотелок ежегодно падает на страницы газет тунгусским метеоритом. И жить в стране становится радостно и интересно.

Иногда взрослые даже переигрывают детей. У нас дети играют в “магазин” так, как это всерьез делают у “них”: пришел—заплатил—унес. Для наших взрослых приобретение самой обычной вещи — афера, драма, поэма, подвиг. Надо “достать”, “пробить”, “получить”, наконец, “поймать” то, что “выбросили”. Перед тем, как продать, надо семь раз отрезать и лишь потом уже загнать, не примеривая.

Жизнь из-под прилавка. Во всем: в экономике и культуре, в большом и малом, в сиюминутном и историческом. “У вас есть икра?” — “Нет!” — “А если подумать?” — “...” — “Я от Ивана Ивановича...” — “Пожалуйста!”

“У вас есть авангардное искусство, настоящая литература, знание о прошлом, понимание происходящего, гражданская позиция, совесть, наконец?!” — “Что есть — на витрине!” — “Но на это же нельзя смотреть!” — “...” — “Мы от...” — “Пожалуйста!” Культура из-под прилавка — это даже захватывает. Если бы только подобные диалоги между покупателем и магазином не затягивались на десятилетия в ожидании доброго приказчика...

Зато сегодня наши приказчики от культуры, запуская руку под прилавок, сами толком не знают, что вытаскают. И бывают сюрпризы. Надеемся, хотя бы несколько из них в этой книге.

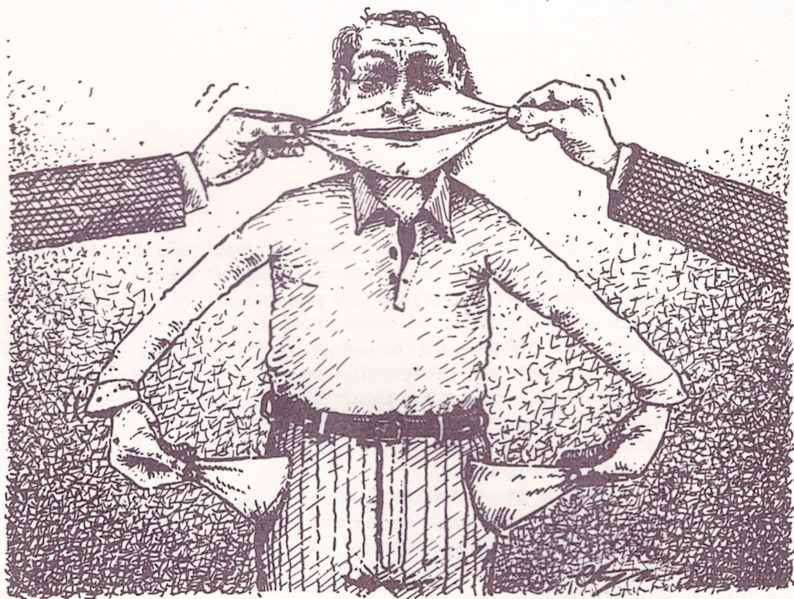
Советская карикатура недавнего времени: что под прилавком, знают единицы, зато витрины ломятся от ширпотреба. Машинное производство юмора, сатирическая мануфактура. Рисованные "шутки юмора" в центральных газетах: девушка и растаявший от страсти снеговик; баскетболист по пояс в корзине; фигуристка ввинтилась в лед; прыгун с трамплина пристроился к косяку журавлей. Картинки по сезону и всепогодные. Ежегодный припадок шутливости к 8 Марта. Рядом звериный оскал империализма с каноническим "из газет". И наши собственные грешки — маленькие и даже чем-то симпатичные в сравнении с "их" ужасными пороками: легкая простуда на фоне сифилиса в последней стадии.

Это была какая-то культивируемая серость и воинствующая пошлятина, постоянно действующая выставка тупости, праздник идиотов. Холуйская готовность обгадить что угодно и что угодно вылизать.

И вдруг — то, что составило костяк этого сборника. Откуда, из-под какого прилавка это политически бескомпромиссное, умное, злое до хруста в зубах и одновременно по-настоящему доброе рисование, которое уже и не назовешь словом "карикатура", а хочется назвать как-нибудь всерьез, например "остросоциальная сатирическая графика"?

Как мы жили прежде и что происходит с нами сейчас — если судить по тому, ЧТО мы рисовали вчера и ЧТО рисуем сегодня? В свое время поэт сказал: "Надо думать, а не улыбаться". Не в самые светлые времена рождаются такие афоризмы. Зато сегодня можно думать "улыбаясь".

Похоже, и в самом деле графический юмор становится по-настоящему серьезным делом, и шутить с решающими наши судьбы вещами больше никто не намерен. Настало ВРЕМЯ УЛЫБНУТЬСЯ ВСЕРЬЕЗ!

АЙНУТДИНОВ С.

Нас едва ли не с детства учат мыслить диалектически. Это вовсе не трудно — достаточно лишь время от времени произносить: "И наоборот!" Если нечто верно, то верно и то, что наоборот, а поскольку оно верно, оно же одновременно и неверно, как, впрочем, неверно и то, что наоборот. Такой стиль мышления позволяет нам быть ровно в два раза умнее, чем в два раза глупее нас те, кто так не умеет. И наоборот.

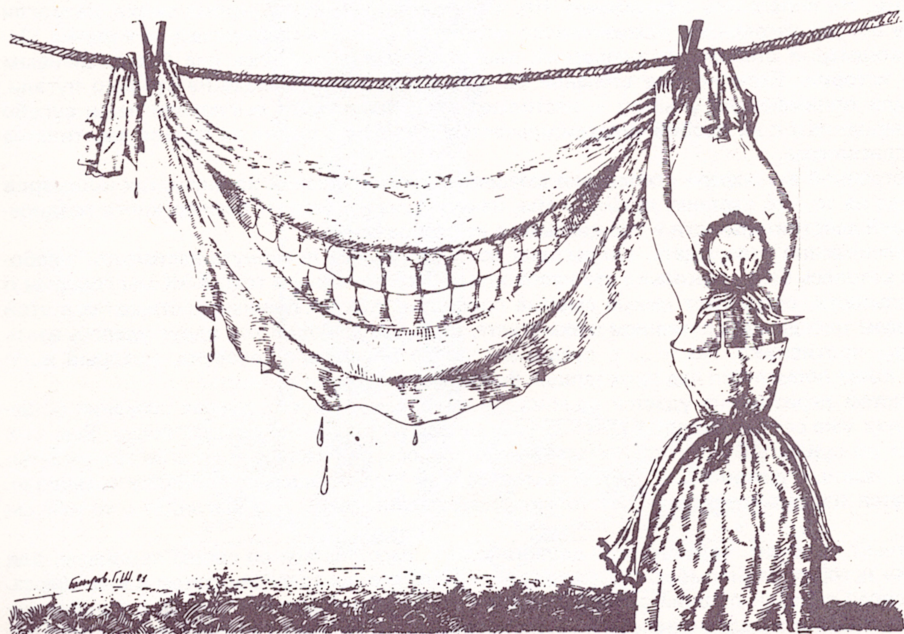
Смешить тяжело больного — дело неблагодарное, а уж смеяться над болезнью просто безнравственно. Но человек, сохраняющий чувство юмора в самых тяжелых ситуациях, не безнадежен. Если же он позволяет себе подшучивать над собственной болезнью, скорее всего дело идет к выздоровлению.

И наоборот. Здоровый человек, как правило, улыбчив. Но если он одинаково радостно улыбается все время, впору заподозрить, что тут не все в порядке.

Это в полной мере относится к обществу, которое, как и человек, способно заболеть и выздороветь, естественно или с болезненной подозрительностью относиться к шуткам на свой счет, улыбаться улыбкой идиота или нормального ценителя юмора.

Долгое время наше общество было образцом сосредоточенной серьезности. Сплошь и рядом мы наталкивались на "нечто", по отношению к которому даже малейшая ирония, даже невиннейший намек на шутку воспринимались не лучше, чем хихиканье в храме — если не приравнивались к политическому преступлению. Это было не просто серьезное, а какое-то особо серьезное, торжественное отношение общества к самому себе, собственным святыням. Постепенно "святым" оказалось едва ли не все, за исключением "отдельных недостатков", доставшихся нам от "проклятого прошлого" или завезенных контрабандным порядком по недосмотру то ли цензурного, то ли таможенного контроля.

И наоборот. Мы были, пожалуй, одним из самых улыбчивых обществ в мире. С плакатов, газетных и журнальных фотографий, с экранов телевизоров на нас глядели смыкающиеся где-то за ушами улыбки образцовых тружеников. За этим следили. "Мрачновато!" заявляла авторитетная комиссия, и авторы бесчисленных мозаик и фресок подтягивали вверх уголки губ на лицах наших современников. В счастливых финалах повестей, романов, пьес, все — и действующие лица, и исполнители, и зрители, и работники Министерства культуры — обязаны были дружно и ослепительно улыбнуться самим себе, друг другу, а главное, тем, кто все это счастье и веселье дозволил.

Но мы не только сурово сдвигали брови и старательно морщили лбы в приступах хронической серьезности, другой половиной лица буквально расплываясь в улыбках умиления. Эта кисло-сладкая мина время от времени сменялась дружным раскатистым смехом едва ли не всего населения страны.

Это мы смеялись над изображениями наших внешнеполитических оппонентов, обязательно уродливых внешне, совершенно ничтожных внутренне и просто свихнувшихся на патологической нелюбви к нам. Не жалея себя, смеялись мы до слез и когда "брали на карандаш" озабоченных собственной внешностью "стиляг" и любительниц импортной косметики, безнадежных алкоголиков с жизнерадостно лиловыми носами, подслеповатых кляузников, перепачканных чернилами, и, наконец, наших любимых бюрократов с параграфами вместо голов.

Такой общество хотело видеть действительность, такой оно ее и изображало. Но по всем правилам не особенно сложной диалектики в реальной жизни все было с точностью до "наоборот". Ничего смешного не было в том, над чем мы посмеивались со снисходительностью человека, полностью контролирующего положение. Нелепо-смешные и опять же симпатичные пьяницы, подсобственниками, на самом деле рушили семьи, превращали в крошечный ад жизни своих близких, морально калечили детей, плодили неполноценных и, наконец, умирали в расцвете лет глубокими стариками. До невинности примитивная бюрократия, воспринимавшаяся скорее как черта характера, чем как социальное явление, на самом деле оказывалась мощнейшей, иезуитски-изоцированной системой, пронизывающей своими метастазами буквально все социальные институты, способной десятилетиями вгонять общество в стагнацию, перемалывать в бумажной мясорубке гениальные идеи, наконец, сами человеческие судьбы. А иные из кляузников, гонимые и врагами и друзьями, вдруг оказывались героями-одиночками, борющимися вопреки всеобщему равнодушию с бюрократическим абсурдом, несправедливостью, санкционированными свыше преступлениями. Ценой этой борьбы становились не только служебное и общественное положение, но и здоровье, свобода, а то и сама жизнь.

Все "наоборот" было и в той части нашей действительности, где смеяться ни под каким видом не полагалось. Не полагалось официально. Но, честно говоря, ничего, кроме смеха, не могли вызвать нелепые потуги очередного пожизненного вождя на всемирно-историческое величие. Освобождаясь от кошмаров сталинских репрессий, мы откровенно смеялись над беззастенчивым перекраиванием истории. Бесконечные стенания об ужасах жизни на Западе не столько пугали, сколько вызвали понимающую улыбку — настолько благополучными выглядели наши сугубо идейные международники с их особой чувствительностью к бедам вот уже не первое десятилетие загнивающего капитализма.

Но в этой странной атмосфере воспевания смешного и высмеивания хронических кошмаров теплилась надежда на то, что настанет время, и мы, наконец, избавимся от безнадежного раздвоения всем очевидной действительности и официального ее изображения.

Было бы рискованно утверждать, что сегодня все уже удалось повернуть настолько "наоборот", насколько хотелось бы и насколько это необходимо. Но перемены в том, КАК мы говорим о нашей действительности, опережают самые смелые прогнозы. На собственные достижения в этой области мы взираем иногда с недоумением шахматиста, которому за один ход вдруг удалось взять сразу две фигуры противника. Но и ... с суевением долго болевшего человека, который явно выздоравливает, хочет посмеяться над проходящей болезнью, но боится сгласить.

Карикатуристам перестройка удастся во многом легче, чем в других сферах сознания общества. Многие из них уже сейчас рисуют то, что другие не всегда решаются сказать вслух. Все, что, будучи смешным по существу, десятилетиями преподносилось как святое — многие монументы, звания, награды, ложные символы, — рисуются теперь как подлежащее публичному осмеянию. Иногда это делается настолько яростно, настолько убийственно точно, что выглядит уже как бы и несмешным.

Есть известный афоризм: человечество должно смеяться расставаться со своим прошлым, для этого все события истории разыгрываются дважды — сначала в виде трагедии, затем в виде фарса. Наше общество своей судьбой лишний раз подтвердило эту закономерность: трагедия ошибок уступила место комичным и заведомо нелепым теоретизированиям недавних провидцев светлого будущего; мрачное величие эпохи Сталина отозвалось смехотворным культом бессмертного генсека; страшная в своей слепоте былая вера в нелепые пропагандистские фантомы сменилась ироничным, веселым неверием в шумное политическое ораторство.

Нельзя не понимать прозрачные намеки самой Истории. И если теперь мы можем рассмеяться в лицо всем, кто с тоской вспоминает наглухо застегнутые френчи, это будет уже почти победа.

Р. С. Не кокетничая с публикой, хотим предупредить, что восприятие многих рисунков потребует поистине героического напряжения интеллектуальных и нравственных сил (кто без нашей подсказки догадается, что рисунок на с. 50 изображает Леду и лебедя?). Поэтому, учитывая опыт зарубежных толстых журналов, разбавляющих политику рекламой и сексом, мы из чисто гуманных соображений включили в книгу безобидные, хотя и не всегда невинные рисунки, позволяющие посмеяться, не оглядываясь по сторонам и не прикрывая страницу от не в меру любопытного соседа по скамейке. Более того, будучи в глубине души убежденными демократами, мы поместили несколько рисунков, ничего не требующих от зрителя, кроме способности взахлеб хохотать вообще без какого-либо повода.

